

С. Барсукова, А. Леденева

От глобальной коррупционной парадигмы к изучению неформальных практик: различие в подходах аутсайдеров и инсайдеров*

В статье представлен сравнительный анализ двух подходов: коррупционной парадигмы как взгляда аутсайдеров, применяющих универсальные суждения к разным обществам, и анализа неформальных практик, реконструирующего взгляд инсайдеров, их понимание мотивов и смыслов коррупционных практик. Коррупционная парадигма, получившая широкое распространение в 1990-е годы, базируется на трех предположениях: коррупцию можно четко определить, измерить и преодолеть. Такой подход лежит в основе международных мониторингов и стимулирует активную антикоррупционную политику. В статье систематизирована критика коррупционной парадигмы. Сделан вывод о том, что провалы антикоррупционных кампаний связаны не столько с дефицитом политической воли, сколько с недостаточностью знаний о социокультурной укорененности коррупции, предложены пути интеграции коррупционной парадигмы с традицией изучения неформальных практик.

Ключевые слова: коррупционная парадигма, разделение публичного и частного, восприятие коррупции, неформальные практики, антикоррупционная политика, измерение коррупции, партикуляризм.

JEL: P37, O17, D73, Z13.

Коррупционная парадигма получила широкое распространение в научном дискурсе и политических дебатах в 1990-е годы. Коллапс плановой системы и последующие реформы экономических и политических институтов вместо ожидаемого быстрого перехода к рыночной экономике и демократии привели к затяжному кризису и политической нестабильности в большинстве бывших социалистических стран. Одним из проявлений «провалов» реформ стал рост коррупции.

Глобалистский характер Вашингтонского консенсуса проявлялся не только в единообразии рекомендаций по проведению национальных реформ, но и в распространении единых понятий, фиксирующих результаты и издержки переходного периода¹. В числе универсальных

Барсукова Светлана Юрьевна (svbars@mail.ru), д. с. н., проф. кафедры экономической социологии, замзаведующего лабораторией экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва); *Леденева Алена Валерьевна* (a.ledeneva@ucl.ac.uk), PhD (Cantab), проф. политических и социальных наук Лондонского университета (UCL) (Великобритания).

* Исследование осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

¹ Под Вашингтонским консенсусом понимается список из десяти рекомендаций по проведению реформ, который был изложен в 1989 г. в докладе Дж. Вильямсона «Что имеет в виду Вашингтон под реформой политики» (Williamson, 1990).

показателей состояния реформируемой экономики оказалась и коррупция. Ее трактовали как однозначно негативное явление, бороться с которым должно любое цивилизованное правительство. Для стран с переходной экономикой снижение уровня коррупции стало условием как членства в различных международных организациях, так и помощи со стороны мирового сообщества. Политический смысл борьбы с коррупцией отодвинул на второй план вопрос о сущности этого явления, его неоднозначности и неоднородности.

Между тем содержание коррупционной парадигмы вызывает немало возражений. Она базируется на трех предположениях: коррупцию можно четко определить (1), измерить (2) и преодолеть (3) (Ledeneva, 2009, 2013). Эти предположения как минимум не бесспорны. Неудачи в проведении антикоррупционной политики заставляют критически осмыслить коррупционную парадигму как взгляд аутсайдеров. Вместе с тем необходимо идентифицировать ее сильные стороны и возможности, которые связаны с решимостью аутсайдеров преодолеть коррупцию. Мы предлагаем интегрировать этот подход с традицией изучения неформальных практик, что позволит включить в анализ экспертизу инсайдеров, их понимание мотивов и смыслов коррупционных практик.

Определение коррупции и его критика

В общем виде коррупцию определяют как злоупотребление служебным положением в личных целях. Но с такой дефиницией связан ряд проблем.

Во-первых, обобщенное понятие коррупции, подобно зонтику, скрывает разнообразные практики и схемы, объединенные идеей использовать общественное положение в личных целях. Попытки систематизировать многообразные коррупционные практики с помощью различных сравнительных критериев (область распространения, состав участников, предмет торга и пр.) приводят к классификациям, широко представленным в литературе. Коррупцию делят на «деловую» и «бытовую» (Левин, Сатаров, 2012), на «оборонительную» и «наступательную» (Olimpieva, 2009), на «рыночную» и «местническую» (Scott, 1969), на коммерческое взяточничество и политическую коррупцию (Coleman, 1985) и т. д. Имеются и более развернутые типологии (Tanzi, 1998; Karklins, 2005; Knack, 2006; Сатаров, 2013).

Подобные классификации, с одной стороны, обогащают представления о коррупции, но с другой — порождают сомнения в принципиальной возможности найти единое определение, релевантное всему спектру коррупционных практик. Сложность и неоднородность явления затрудняют его сведение к единой формуле. В результате возникает настолько общее определение коррупции, что оно слабо отражает сущность конкретной коррупционной практики.

Во-вторых, практики, описываемые современными учеными как коррупционные, сопровождают всю экономическую историю человечества. В течение длительного периода их отнюдь не порицали. Кодификация этих практик как «коррупционных» стала результатом разделения

публичной и приватной сфер при переходе, как писал М. Вебер, от патримониальной структуры власти, где решения принимают на основе персонифицированных отношений и традиций, к рационально-легальной системе, где решения опираются на деперсонифицированные правила, оформленные в виде законов и контрактов (Weber, 1968).

Но не следует забывать, каким долгим был путь европейских стран к разделению публичной и приватной сфер, к формированию рациональной бюрократии (Барсукова, 1999). Еще 150 лет назад государственные должности в Европе можно было заложить, дать в приданое, купить, а зачастую — и унаследовать.

Например, в Испании посты в колониях выставляли на официальные аукционы. Голландский чиновник оплачивал «лицензию на занятие должности» в колониальной Батавии и окупал затраченные средства, фактически торгуя условиями проникновения голландского бизнеса в колонию. Но никто не называл это коррупцией. Соответствующие практики либо были вполне законными, либо трактовались законом весьма двусмысленно (Scott, 1969). Лишь в конце XIX в. начали формироваться этические, организационные и политико-правовые основы толкования коррупции как использования государственной должности в личных целях. Новые правовые стандарты несения государственной службы закрепили это понимание.

Определений коррупции довольно много, но все они акцентируют два момента: коррупция есть, во-первых, «переход границы» от общественного (ресурсов, мотивов, целей) к частному; во-вторых, это «болезнь», девиация, отклонение от нормы. Тем самым определения коррупции апеллируют к жесткому *разделению* приватной и публичной сфер и основаны на *нормативном* подходе. Предполагается, что эти сферы не просто разделены и функционируют по различным нормам и правилам, но их смешение вредно и опасно для общества.

Общая концепция коррупционной парадигмы предполагает три группы участников взаимодействия: принципал — агент — клиент. В рамках идеальной модели принципал (законодательная власть) формирует правила, соблюдение которых клиентами (населением, бизнесом) должны контролировать агенты (чиновники), связанные с принципалом контрактными отношениями. Здесь коррупция возникает в отношениях клиента (взятодателя) и агента (взятополучателя), допускающего искажение правил или их селективное применение за нелегальное вознаграждение. Данная аналитическая конструкция апеллирует к идеальному типу бюрократического управления и едва ли применима к обществам, где доступ к власти воспринимается как надежный и легитимный способ личного обогащения (Barsukova, 2009). В предельном виде эта точка зрения сформулирована С. Кордонским, отрицающим саму применимость термина «коррупция» к России, где, по его мнению, более адекватно понятие «рента от сословного положения индивида» (Кордонский, 2008).

Универсальное понятие коррупции игнорирует тот факт, что она всегда характеризуется исторической и культурной укорененностью и тесно связана с институциональной спецификой общества. Там, где коррупция — норма, само ее понятие как «перехода границы» или девиации теряет смысл (Varese, 2000. P. 99—100).

Например, неправильно применять модернистскую терминологию и считать коррупционной практикой систему «кормления», которая существовала в России в XII—XV вв. Это была общепринятая система жизнеобеспечения чиновников, которые получали от населения все, что им было необходимо, то есть «кормились» со своего «места» в государственной иерархии. В 1555 г. был издан указ об отмене «кормлений», и на содержание чиновников население стало платить в казну особый налог. Земская реформа Ивана IV Грозного перевела эту практику в разряд «незаконных» (при нем состоялась первая официальная казнь за взятку).

Другими словами, *коррупция — это не ситуация (или трансакция), а ее интерпретация с позиций правовой и этической перспективы*. Сложившаяся в западной парадигме аналитическая «оптика» может быть не адекватна культурной и институциональной специфике общества, на которую она направлена.

Внеисторическое понимание коррупции не соответствует условиям посткоммунистических обществ, в том числе России, где отсутствует традиция «главенства закона», а границы между приватной и публичной сферами размыты. Еще в СССР власть воспринималась как надежный способ получить дополнительные льготы и привилегии. Советские люди оценивали привлекательность любой работы с точки зрения не только формального заработка и престижа, но и того, какие дополнительные неформальные доходы можно было извлекать из этой деятельности и какие возможности она открывала.

Для работников, непосредственно связанных с материальным производством, неформальным каналом пополнения доходов было воровство («несуны», «тащилровка»). Для охраны урожая на колхозных полях нередко привлекали военные подразделения. Работники торговли, помимо непосредственного воровства (обвесы, обсчеты покупателей), имели доступ к дефициту, что делало их ключевыми фигурами в отношениях блага и экономике взаимных услуг (Ledeneva, 1998). Чиновники и работники здравоохранения и образования были лишены аналогичных возможностей. Часто у них не было ни доступа к дефициту, ни подходящих для воровства ресурсов: нести домой скальпели или канцелярские кнопки не имело смысла. Эти группы практиковали неформальные платежи за принимаемые решения или за качественно выполненную работу. Врачи в больницах получали подарки, конверты с деньгами от родственников пациентов, родительские комитеты в школах регулярно собирали деньги на подарки учителям.

Подобные практики воспринимались обществом не как взятки, а скорее как форма дополнительных доходов для профессиональных групп, которые лишены возможности непосредственно воровать или обменивать дефицитные блага. Взятки чиновникам также встречали понимание, поскольку считалось, что лишь моральные стойки способны «быть у воды и не напиться». Нормой поведения стало использование всех возможностей, связанных с работой. Наивно было бы полагать, что этот опыт исчезнет в ходе реформ 1990-х годов.

В универсалистских обществах, с жестким разделением приватного и публичного и безусловным приоритетом законов, говорят: «Человеку нельзя доверять, потому что он всегда окажет преференции своим друзьям». В партикуляристских обществах, где грань между приватным и публичным размыта, а отношения приоритетнее законов, распространена другая логика: «Нельзя верить тому, кто не поможет другу» (Trompenaars, Hampden-Turner, 1998). Чиновник оказывается «зажат» между формальными требованиями «беспристрастности»,

с одной стороны, и неформальной нормой оказывать предпочтения родственникам и друзьям — с другой.

Впрочем, партикуляристские общества могут существенно различаться. Например, Россия, в целом близкая к Китаю по приверженности партикуляристской культуре, резко отличается с точки зрения приоритетов индивидуального или общественного. Россияне больше, чем китайцы, ценят индивидуальную свободу и в меньшей степени готовы подчинить свою жизнь общественным целям, выступая в роли «партикуляристских эгоистов» (Trompenaars, Hampden-Turner, 1998). Это показывает всю многомерность и разнообразие партикуляристской культуры. Данное обстоятельство подтверждает необходимость изучать коррупционные практики исключительно в историческом и культурном контексте, делая бессмысленными рассуждения о коррупции «вообще».

Измерение коррупции и его критика

Коррупционная парадигма исходит из того, что коррупцию можно измерить. Существует множество индексов и показателей количественной оценки разных составляющих коррупции. В зависимости от характера данных, методов их сбора и анализа выделяют три группы показателей.

1. *Индексы на основе репрезентативных опросов потребителей* — предпринимателей или населения. Опросы предпринимателей посвящены оценке делового климата и коррупционного давления на бизнес. Наиболее известные индексы этой группы, измеряющие «деловую» коррупцию, — Business Environment and Enterprise Performance Survey (BEEPS) и Executive Opinion Survey (WEF). Эти опросы различаются периодичностью, объемом выборки, географической представленностью, а также тем, что BEEPS сфокусирован на непосредственном опыте респондентов, а WEF — на их восприятии коррупции. Размер «бытовой» коррупции и отношение к ней измеряют в ходе опросов домохозяйств в рамках World Values Survey или International Crime Victim Survey.

2. *Индексы на основе опросов экспертов*. Например, Nations in Transit report (NIT) выясняет влияние коррупции на бизнес и имеет политизированный характер, а International Country Risk Guide (ICRG) посвящен частоте коррупционных поборов и скорее прикладной — как путеводитель для иностранных инвесторов. Заметим, что коррупционные риски для них не тождественны влиянию коррупции на отечественный бизнес. Оба опроса дают единую итоговую оценку, не позволяющую детализировать знания о видах коррупции.

3. *Индексы, интегрирующие информацию из многих источников*. Наиболее известен в этой группе Индекс восприятия коррупции, Corruption Perception Index (CPI), который фиксирует представления политиков, чиновников, аналитиков и бизнесменов об уровне коррупции². Отметим, что речь идет не о личном опыте, а о восприятии яв-

---

² www.transparency.org.

ления как существующего. Благодаря комбинированию разнообразной информации такие индексы обладают рядом преимуществ: во-первых, могут охватывать большее число стран, чем в случае специально проводимого опроса; во-вторых, учитывают различные формы коррупции, а не фокусируются на отдельных коррупционных практиках. Однако с этим связан и ряд проблем. Остается открытым вопрос о корректности придания одинаковых весов всем элементам CPI. Впрочем, дифференциация весов вызвала бы еще большую дискуссию. Ситуация осложняется тем, что индексы, используемые для расчета итогового показателя, не независимые.

Проблема количественной оценки коррупции сводится к двум принципиальным вопросам: насколько получаемые оценки валидны (что мы измеряем) и надежны (как мы измеряем)?

Применительно к валидности измерения большинство исследователей согласны с тем, что количественные оценки касаются не коррупции как таковой, а ее восприятия респондентами, в значительной степени зависящего от накала антикоррупционной кампании в стране и внимания СМИ к этой теме. Отметим, что сводить к одной цифре весь спектр коррупционных практик, отраженных в восприятии разных социальных групп, представляется в высшей степени сомнительным. Сложная технология получения итоговой оценки не позволяет однозначно интерпретировать ее. Кроме того, существует разрыв между «диагностикой» коррупции международными организациями, использующими ее универсальное нормативное определение, и смыслами, которыми наделяют эти практики их непосредственные участники.

Предполагается, что респонденты в ходе опросов о коррупции выступают в роли незаинтересованных информантов. Но это не так. Респонденты используют коррупционную тему как средство решения двух задач: во-первых, *легитимировать* собственные не вполне законные способы поведения; во-вторых, *выразить протест*, недовольство властью. Легитимация собственного поведения через ссылки на «коррумпированную власть» тем успешнее, чем больший масштаб коррупции ей приписывают. Аналогично в советский период «несуны» (мелкие воры на предприятиях) оправдывали себя тем, что «начальство вагонами ворует».

Отметим два принципиально различных способа легитимации собственных действий со ссылкой на коррупцию «верхов». Первый — «я делаю то же, что они» — акцентирует схожесть практик «верхов» и «низов» при очевидном различии масштабов. Такая позиция не только оправдывает собственные коррупционные практики ссылкой на коррупцию элит, но и выступает своеобразной формой интеграции власти и народа, солидарных в понимании условности формальных норм.

Возможен и иной вариант легитимации «низовой» коррупции: как компенсаторный ответ на коррупцию «верхов», как акт восстановления справедливости, как вынужденный способ борьбы с бедностью. «А что мне остается, если они («верхи») совсем совесть потеряли?» — это звучит как оправдание собственных коррупционных действий. И хотя объективно такая позиция ведет к росту коррупции в обществе, субъективное восприятие свидетельствует о потенциале сопротивления

ей при изменившихся условиях. Количественные оценки в принципе не позволяют разделить эти противоположные основания коррупционных практик.

Но обвинения власти в коррупции не только легитимируют собственные коррупционные практики, но и отражают недовольство населения властью. Почему для этого используется именно коррупция? В отсутствие гражданского общества население не имеет ни языка, ни технологий, ни механизмов для выражения претензий к власти. Для канализации этого раздражения возник дискурс о коррупции, в рамках которого находят выражение недовольство властью, разочарование реформами. Этот аспект не учитывается количественными оценками, путающими причину и следствие. Возможно, недовольство властью не обусловлено высокой коррупцией, а наоборот, суждения респондентов о системной коррупции стали следствием недовольства неэффективным управлением страной.

Вторая группа проблем, связанная с надежностью оценок коррупции и возможностью проводить межстрановые сравнения, сводится к вопросу: как мы измеряем? Претензии к измерительным технологиям следующие. Во-первых, далеко не все исследовательские центры соблюдают принцип прозрачности расчетов. В идеале должно быть четко определено, что понимается под коррупцией, как операционализируется это понятие, каковы источники информации, как собирались данные, с каким весом и почему они используются в интегральном показателе, какова специфика национальных баз данных и пр. Далеко не все разработанные количественные оценки удовлетворяют этим требованиям.

Во-вторых, элементы сложносоставных индексов должны быть независимыми. На деле это требование не выполняется. Более того, информация, которая существенно отклоняется от преобладающих оценок, объявляется недостоверной и отбрасывается, что оправданно исключительно в случае независимости собранных данных. Зачастую эксперты перед опросом просматривают результаты ранее проведенных исследований, чтобы «лучше подготовиться» и дать более «правильный» ответ, усиливая тем самым взаимозависимость различных оценок коррупции.

В-третьих, динамика индексов, характеризующих коррупцию в той или иной стране, может быть связана не с реальным изменением положения, а исключительно с корректировкой методики расчетов. Периодически такие корректировки проводят, что делает бессмысленным сравнение коррупции в стране за разные годы. Некорректно говорить и о динамике ранговых показателей стран, поскольку вовлечение в исследование новых членов меняет прежние порядковые номера. Например, когда в конце 1990-х годов начали рассчитывать СРІ для Люксембурга и Ирландии, эти страны, относительно свободные от коррупции, заняли место в начале рейтингового списка, оттеснив на более дальние позиции другие страны.

В-четвертых, из-за международного характера коррупционных исследований возникает соблазн проводить межстрановые сравнения. Но количественные показатели не дают оснований для корректного

сравнения стран, поскольку лишь в единичных случаях используется полностью аналогичная база данных. Магия конечных цифр скрывает страновую специфику расчетов.

Антикоррупционные программы и их критика

Казалось бы, оценки коррупции носят сугубо информационный характер и представляют интерес исключительно для бизнеса, планирующего инвестиции в ту или иную страну. За «плохими» оценками не следует никаких санкций для национальных правительств со стороны международных организаций. Однако на деле ситуация более сложная. Не имея статуса формального критерия, оценки коррупции де-факто влияют на получение помощи от мирового сообщества, на членство в международных организациях, не говоря уже о престиже страны на мировой арене. И хотя методология этих индексов не дает оснований для межстрановых сравнений или суждений о динамике коррупции в определенной стране, такие сравнения постоянно публикуются в СМИ.

Рецепты для антикоррупционной политики, предлагаемые международными организациями, столь же верны, сколь и бесполезны в силу их общего характера. Речь идет о создании гражданского общества, о демократизации политической жизни и либерализации экономики, то есть о стандартном наборе рыночного фундаментализма, воплощенного в заповедях Вашингтонского консенсуса (Rose-Ackerman, 1999; Stiglitz, 2002). Но многие страны, в том числе Россия, не являются образцами демократии, рыночных свобод и развитого гражданского общества не потому, что не понимают важность и полезность этих форм, а исключительно из-за невозможности их полной реализации при сложившемся балансе политических сил, структурных и ресурсных ограничениях, культурных традициях и т. д.

Следовательно, борьба с коррупцией должна учитывать национальный контекст, опираться на знание механизмов формирования и каналов распространения партикуляристских норм, соперничающих с универсалистскими принципами организации общества. Это означает, что задача борьбы с коррупцией не только и не столько административная, сколько научно-исследовательская. Представление о том, что успех антикоррупционной политики зависит исключительно от «политической воли» элиты страны, предельно упрощает природу коррупции (Carothers, 2002; Persson et al., 2012).

Нужно понимать, что в России параллельно решаются две взаимосвязанные, но отнюдь не идентичные задачи: борьба с коррупцией и борьба за снижение ее количественных оценок. Обе задачи актуальны, но по разным причинам. Коррупция не позволяет сделать «вертикаль власти» реальным инструментом управления страной, ограничивает возможности макроэкономической политики, вызывает социальное недовольство. Однако борьба с ней связана с огромными политическими рисками, поскольку вторгается в поле сложившегося баланса интересов различных групп влияния. Поэтому первая задача подменяется вто-

рой — борьбой за улучшение количественных показателей коррупции, фиксируемых международными организациями. Поскольку эти оценки улавливают не коррупцию как таковую, а ее восприятие респондентами, борьба с коррупцией приобретает характер яркого шоу со своими героями и антигероями, сюжетными интригами и итоговой победой над коррупционерами.

Объектами разоблачений становятся самые не любимые гражданами ведомства и персоны. Показателен скандал вокруг хищений государственных средств фирмой «Оборонсервис», деятельность которой курировали непосредственно в Министерстве обороны РФ. Скандал привел к отставке министра обороны А. Сердюкова, с именем которого в народе отождествляли «развал армии». Коррупционные разоблачения отодвинули на второй план проблемы, не решенные в ходе военной реформы.

Стремясь перейти от партикуляристской системы власти к универсалистской, Россия достигла лишь стадии «конкурентного партикуляризма», где конкурируют разные команды бюрократов, связанные с разными бизнес-группами (Mungiu-Pippidi, 2006; 2013). Антикоррупционные кампании служат инструментом такой борьбы. В результате, по оценкам Transparency International, только 5% российских граждан положительно оценивают действия властей по борьбе с коррупцией, а 77% называют их неэффективными (Брук, 2013).

Борьба с коррупцией в России осложняется своеобразным «двоемыслием» россиян, дифференцирующих отношение к коррупции в разных контекстах. С одной стороны, все осуждают взяточников, а с другой — пользуются их услугами для решения проблем. Раздвоенность позиции проявляется в осуждении «других», которые дают и берут взятки, и оправдании «себя», сумевшего решить жизненную проблему. Так, человек, получивший с помощью взятки место в детском саду, считает себя не взяткодателем, а заботливым родителем. В результате подавляющее большинство россиян разделяют мнение, что власть коррумпирована (84%) и лишь 18% говорят о собственном опыте коррупционных отношений (Miller et al., 2001). Разница между 84 и 18%, по сути, отражает амбивалентность отношения россиян к коррупции.

Практика «двоемыслия» сформировалась в советский период. Речь советского человека должна была следовать канонам казенного языка («новояз» в терминах Дж. Оруэлла), а нравственность и поведение — сверяться с требованиями партии. На работе он находился в коллективе, чья власть над ним превосходила ту, что предполагается в рамках контракта в рыночном обществе. Как заметил французский исследователь А. Безансон, советский человек делегировал на социальную сцену своего «двойника», сохранив при этом скептическое отношение к советскому порядку (Безансон, 2002). «Двоемыслие» и двойные риторические регистры давали возможность сохранить приватность в условиях попыток власти сломать границы между индивидом и обществом. И этот опыт вошел в культурный набор постсоветского человека (Левада, 2000).

Современный россиянин искренне порицает коррупцию и оправдывает свое участие в ней. Такая амбивалентность отношения россиян к коррупционным практикам не учитывается универсальными антикоррупционными рецептами, которые выписывают международные организации.

Исследования неформальных практик как вклад в изучение коррупции

Взгляд на коррупцию с позиций универсального нормативного подхода, фиксации явления в агрегированных количественных показателях и борьба за их улучшение остаются сущностью коррупционной парадигмы. Однако при таком подходе ускользают смыслы, которыми наделяют коррупционные действия их участники, а также функциональное значение этих практик. Игнорирование подобного знания обуславливает неэффективность антикоррупционных кампаний, дискредитирует саму идею борьбы с коррупцией (Krastev, 2004; Sampson, 2010).

Коррупция — типичный пример «неэффективного равновесия», когда система не эффективна, но в определенной степени устойчива (Полтерович, 2007). Международные организации апеллируют к универсальному пониманию эффективности и «хорошего правительства», но механизмы устойчивости коррупции скрыты в местной специфике, в особенностях социокультурной и политической организации. Смещение исследований коррупции с «высоты птичьего полета» на «почвенный» уровень и обратно, детализация знания в разрезе отдельных неформальных практик для улучшения индикаторов, используемых в массовых опросах, — необходимое дополнение к доминирующей коррупционной парадигме.

В чем суть предлагаемых изменений? Прежде всего универсальную схему, продвигаемую и финансируемую аутсайдерами в лице наднациональных организаций типа Всемирного банка и МВФ, необходимо дополнять «местной экспертизой», основанной на видении ситуации непосредственно инсайдерами. Нужно выявить способы оправдания, механизмы включенности или, наоборот, степень неприятия и готовности пресечения. При таком подходе можно прояснить исторический и культурный контекст той или иной практики, понять ее сущность, а также причины возникновения и воспроизводства. Неформальные практики исследуются в контексте «здесь и сейчас», что отличает (и дополняет) сравнительные измерения коррупционных индексов по алгоритмам, имеющим наднациональный и вневременной характер.

Коррупционной парадигме соответствует аналитическая перспектива «сверху вниз», суть которой состоит в объединении под единым понятием качественно разнородных практик на том основании, что они выступают ипостасями «использования служебного положения в личных целях». Исследование неформальных практик предполагает подход «снизу вверх» для детального изучения с упором на дифференциацию их природы, функционального значения, способов легитимации и механизмов воспроизводства. Он не имеет ничего общего с ревизионизмом, акцентирующим позитивные эффекты коррупции, или с функционализмом, объясняющим ее неизбежность необходимостью смягчать ригидные нормы и придать системе гибкость.

Мы отдаем отчет в том, что понятие «неформальные практики» — зонтичное, что дает повод для критики по аналогии с понятием коррупции. Но для нас важен методологический сдвиг в результате

**Сравнение коррупционной парадигмы
и традиции исследования неформальных практик**

Критерий сравнения	Коррупционная парадигма	Традиция исследования неформальных практик
Уровень анализа	Глобальный уровень: наднациональный и вневременной алгоритм расчета коррупционных индексов	Местная экспертиза: «здесь и сейчас» как принцип изучения неформальных практик
Цель анализа	Измерить	Объяснить
Аналитическая перспектива	Сверху вниз	Снизу вверх
Исследовательская традиция	Нормативный универсализм	Этнографический подход
Интенция исследования	Объединение на основе универсального определения	Дифференциация на основе детализации знания
Фокус исследования	Степень распространения коррупции	Смыслы, которыми наделяют свои действия участники неформальных практик
Результат исследования	Агрегированные количественные оценки коррупции в целом или в разрезе отдельных типов	Качественные и количественные данные о природе и механизме неформальных практик
Признание многообразия коррупционных практик	Рядоположенность коррупционных практик как составных частей общей коррупции	Взаимообусловленность неформальных практик, причинно-следственные связи «низовой» и «верховой» коррупции
Центр экспертизы	Аутсайдеры как внешние наблюдатели	Инсайдеры как участники неформальных практик

анализа неформальных практик через понимание их с позиции инсайдеров (см. таблицу).

В рамках коррупционной парадигмы популярны типологии коррупционных практик. Однако — и это принципиально — разнообразные коррупционные практики рассматриваются как слагаемые единого явления. Между тем композиция этих практик может быть более сложной. Низовые формы коррупции могут быть не элементом общей коррупционной ситуации, а реакцией на коррупцию верхов, попыткой защитить свои права и представления о справедливости в условиях их грубого попрания правящей элитой. Формы коррупции могут быть не просто слагаемыми единого явления, а взаимно обуславливать друг друга, соотноситься между собой как причина и следствие. Именно поэтому обличительная риторика борцов с коррупцией может не находить понимания у населения (Barsukova, Radaev, 2012). Люди способны осудить действия, в которых закон не найдет состава преступления, и, наоборот, оправдать поступки, трактуемые законом как коррупция.

«Ко мне в роддоме прямо в палату пришла медсестра и объяснила, что по их традиции папа должен за девочку дать 300 руб., а за мальчика — 500. Говорит, что это не обязательно, если денег в семье нет, но желательно, все так делают. Я мужу сразу позвонила, чтобы деньги в красивый конверт положил. Ни он, ни я не возмутились. Если по закону судить, это вымогательство денег, но по совести они правы. У них зарплата маленькая, им тоже жить надо» (юрист, 28 лет).

Разнообразные модели поведения, трактуемые с позиций универсального нормативного подхода как коррупционные, реально могут

быть эффективным приспособлением к условиям трансформации, компромиссом новых формальных правил и ранее сформированных социальных норм. Но эта ситуация не диагностируется без смены аналитической «оптики», без выявления смыслов, которыми наделяют свое поведение непосредственные участники.

Главное достоинство коррупционной парадигмы — умение количественно измерять коррупцию при всей условности «измерения неизмеримого» (Galtung, 2005). Соответственно такие опросы преимущественно касаются или «объективного» размера взятки и частоты использования контактов, или восприятия работы чиновников (какая ветвь власти более коррумпирована). Не переводимые в другую культуру понятия не могут войти в глобальный реестр. Но именно «непереводимые практики» необходимо замерять, чтобы уловить тенденции изменения и диагностировать проблемы применения законов. У людей надо спрашивать о проблеме на их языке, чтобы они однозначно понимали суть вопроса. Вопросы типа «Сколько раз Вы давали взятку за последние 12 месяцев?» не «работают» не потому, что у респондента плохо с памятью, а в силу его принципиального несогласия называть взятками определенные платежи.

Кроме того, нельзя все «служебные злоупотребления» свести к проблеме взяток. Их природа и механизм значительно сложнее. Например, в контексте построения правового государства много внимания уделяют независимости судов. Но изучать этот вопрос в разрезе взяток, которые получают судьи, — значит заведомо упрощать проблему. Важнейшим каналом давления на судей служит не взятка, а их зависимость от председателя суда, от местных органов власти. Существенную роль играет и самоцензура судей (Барсукова, 2008; 2010; Леденева, Шушанян, 2008; Горбуз и др., 2010). Простые оценки числа и размера взяток не приближают нас к пониманию того, почему суды не ассоциируются в России с верховенством права. Нужны детальные знания о том, как устроена работа российских судей, от кого и каким образом формально и реально зависят их карьера и условия труда, как устроена система проверки их деятельности, в какой мере формальные регламенты корректируются неписаными правилами и корпоративной этикой судей. Эти знания сложно получить, но еще сложнее их сопоставить с результатами по другим странам, поскольку они исключительно контекстуальны. Но провалы антикоррупционных кампаний, равняющихся на единые стандарты «хорошего правительства», свидетельствуют о том, что попытки выработать наднациональные рецепты борьбы с коррупцией не могут быть успешными.

Проблема состоит в том, что, даже обличая коррупционные практики, инсайдеры адаптировались к ним, научились использовать их возможности или, по крайней мере, учитывать коррупционные схемы в построении личных стратегий ведения бизнеса или решения повседневных проблем.

«Да, у нас коррупция. Но вы спросите меня, хочу ли я проснуться завтра и чтобы ее не было. Я вам честно скажу — не знаю. С одной стороны, любопытно было бы на это посмотреть. Но с другой стороны, что я делать буду? Вся схема бизнеса будет порушена» (совладелец фирмы по импорту бытовой техники, 44 года).

Хотя россияне устали от коррупции, однако научились извлекать из нее пользу. Отсюда желание прекратить коррупционные практики для «других», но оставить ее в исключительных случаях для «себя»: например, в военкоматах не должны брать взяток, но все средства хороши, чтобы спасти сына от армии.

В пространстве инсайдерских смыслов трудно найти движущие силы и волю для изменения ситуации. Согласно данным Барометра мировой коррупции (опрос 2013 г.), россияне, в отличие от жителей других стран, пессимистично оценивают возможность лично повлиять на противодействие коррупции: в это не верят 56% граждан России. Пафос преодоления коррупции, политическая поддержка антикоррупционной борьбы исходят от аутсайдеров. В силу унифицированного и, как следствие, упрощенного взгляда на коррупцию аутсайдеры не могут изменить ситуацию, а инсайдеры не верят в возможность перемен, будучи адаптированы к ситуации неэффективного равновесия. Необходимо обеспечить сочетание компетенций аутсайдеров и инсайдеров, что возможно посредством интеграции коррупционной парадигмы с этнографической традицией исследования неформальных практик.

Список литературы

- Барсукова С. (1999). Приватное и публичное: диалектика диспозиции // Политические исследования. № 1. С. 137–147. [Barsukova S. (1999). Private and Public: The Dialectic Disposition // Politicheskie Issledovaniya. No 1. P. 137–147.]
- Барсукова С. (2008). Неформальные практики формального судопроизводства // Свободная мысль. № 11. С. 33–48. [Barsukova S. (2008). Informal Practices of Formal Proceedings // Svobodnaya Mysl. No 11. P. 33–48.]
- Барсукова С. (2010). «Три кита» правосудия по-русски // Свободная мысль. № 4. С. 57–68. [Barsukova S. (2010). “Three Pillars” of Justice in Russia // Svobodnaya Mysl. No 4. P. 57–68.]
- Безансон А. (2002 [1985]). Извращение добра / Пер. с франц. Н. Кисловой, Т. Чугуновой. М.: МИК. [Besançon A. (2002 [1985]). La Falsification Du Bien: Soloviev et Orwell. Moscow: MIK.]
- Брук Б. (2013). Российская коррупция на барометре Transparency International / Институт современной России. 31 июля (<http://imrussia.org/ru/society/522-russian-corruption-on-the-transparency-internationals-barometer>). [Bruk B. (2013). Russian Corruption on Transparency International’s Barometer / Institute of Modern Russia. July 31.]
- Горбуз А., Краснов М., Мишина Е., Сатаров Г. (2010). Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. СПб.: Норма. [Gorbuz A., Krasnov M., Mishina E., Satarov G. (2010). Transformation of the Russian Judiciary. Experience of Complex Analysis. St. Petersburg: Norma.]
- Кордонский С. (2008). Сословная структура постсоветской России. М.: Фонд «Общественное мнение». [Kordonsky S. (2008). The Class Structure of Post-Soviet Russia. Moscow: Fond “Obshchestvennoe Mnenie”.]
- Левада Ю. А. (2000). Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. № 6. С. 5–24. [Levada Y. A. (2000). Homo Post-Soveticus // Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost. No 6. P. 5–24.]
- Левин М., Сатаров Г. (2012). Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. № 10. С. 4–29. [Levin M., Satarov G. (2012). Corruption in Russia: Classification and Dynamics // Voprosy Ekonomiki. No 10. P. 4–29.]

- Леденева А., Шушанян Н.* (2008). Телефонное право в России // Вестник общественного мнения. № 3. С. 42–50. [Ledeneva A., Shushanyan N. (2008). Telephone Law in Russia // Vestnik Obshchestvennogo Mneniya. No 3 (95). P. 42–50.]
- Полтерович В.* (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика. [Polterovich V. (2007). Elements of the Theory of Reforms. Moscow: Ekonomika.]
- Сатаров Г. А.* (ред.) (2013). Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Москва: Фонд «Либеральная миссия» [Satarov G. A. (ed.) (2013). Russian Corruption: Level, Structure, Dynamics. Moscow: Fund “Liberal Mission”.]
- Barsukova S.* (2009). Corruption. Academic Debates and Russian Reality // Russian Politics and Law. Vol. 47, No 4. P. 8–27.
- Barsukova S., Radaev V.* (2012). Informal Economy in Russia: A Brief Overview // Economic Sociology: The European Electronic Newsletter. Vol. 13, No 2. P. 4–12.
- Carothers T.* (2002). The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. Vol. 13, No 1.
- Coleman J.* (1985). The Criminal Elite: The Sociology of White Collar Crime. N. Y.: St. Martin’s Press.
- Galtung F.* (2005). Measuring the Immeasurable: Boundaries and Functions of (Macro) Corruption Indices // Measuring Corruption / F. Galtung, C. Sampford (eds.). Burlington: Ashgate. P. 101–132.
- Karklins R.* (2005). The System Made Me Do It: Corruption in Post-communist Societies. Armonk, NY: M.E. Sharpe.
- Knack S.* (2006). Measuring Corruption in Eastern Europe and Central Asia: A Critique of Cross-country Indicators // World Bank Policy Research Working Paper. No 3968.
- Krastev I.* (2004). Shifting Obsessions: Three Essays on the Politics of Anticorruption. Budapest: Central European University Press.
- Ledeneva A.* (1998). Russia’s Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ledeneva A.* (2009). Corruption in Post-communist Societies in Europe: A Re-examination // Perspectives on European Politics and Society. Vol. 10, No 1. P. 69–86.
- Ledeneva A.* (2013). A Critique of the Global Corruption Paradigm // Post-communism from Within: Social Justice, Mobilization and Hegemony / J. Kubik, A. Linch (eds.). New York University Press. P. 297–332.
- Miller W., Grodeland A., Koshechkina T.* (2001). A Culture of Corruption. Budapest: Central European University.
- Mungiu-Pippidi A.* (2006). Corruption: Diagnosis and Treatment // Journal of Democracy. Vol. 17, No 3. P. 86–99.
- Mungiu-Pippidi A.* (2013). Becoming Denmark: Historical Paths to Control of Corruption // Social Science Research Network. http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2301329.
- Olimpieva I.* (2009). Background Corruption in Small and Medium-Size Business: «A Weapon of the Weak»? // Russian Politics and Law. Vol. 47, No 4. P. 28–42.
- Persson A., Rothstein B., Teorell J.* (2012). Why Anticorruption Reforms Fail – Systemic Corruption as a Collective Action Problem // Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions. Vol. 26, No 3. P. 449–471.
- Rose-Ackerman S.* (1999). Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sampson S.* (2010). The Anti-corruption Industry: From Movement to Institution // Global Crime. Vol. 11, No 2. P. 261–278.
- Scott J.* (1969). The Analysis of Corruption in Developing Nations // Comparative Studies in Societies and History. Vol. 11, No 3. P. 315–341.
- Stiglitz J.* (2002). Globalisation and Its Discontents. N. Y.: W. W. Norton.
- Tanzi V.* (1998). Corruption around the World // IMF Staff Papers. Vol. 45, No 4. P. 559–594.
- Trompenaars F., Hampden-Turner Ch.* (1998). Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business. 2nd ed. N. Y.: McGraw-Hill.

- Varese F.* (2000). Pervasive Corruption in Economic Crime in Russia // *Economic Crime in Russia* / A. Ledeneva, M. Kurkchyan (eds.). L.: Kluwer Law International.
- Weber M.* (1968). *Economy and Society*. Vol. 1. N. Y.: Bedminster.
- Williamson J.* (1990). What Washington Means by Policy Reform // *Latin American Adjustment: How Much Has Happened?* Ch. 2. / J. Williamson (ed.). Washington, D.C.: Institute for International Economics, 1990. Abdated November 2002.
-

From the Global Corruption Paradigm to the Study of Informal Practices: Outsiders vs. Insiders

Svetlana Barsukova^{1,*}, *Alena Ledeneva*²

Authors affiliation: ¹National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); ²London University (UCL) (London, UK).

* Corresponding author, email: svbars@mail.ru.

The article compares two approaches to the analysis of corruption: the global corruption paradigm — a downstream view on corruption promoted by international organisations and policy makers, the so-called outsiders, and the analysis of informal practices — an upstream, or bottom-up, perspective of insiders, which contextualises motives and meaning of corrupt practices. The global corruption paradigm rests on the premises that corruption can be defined, measured and controlled. Since the 1990s, data on corruption have been systematically collected and monitored, yet there has been little progress in combatting the phenomenon across the globe. Success cases are rare, and policy makers are increasingly dissatisfied with existing indicators and approaches to anti-corruption policies. On the one hand, the paper articulates the critique of assumptions, preconceptions and methodology implicit in the prevailing corruption paradigm. We question the cultural and historical neutrality of the definition of corruption, problems with its measurement, and implications for policy-making. On the other hand, the paper argues for the ‘disaggregation’ of the corruption paradigm and the necessity to integrate local knowledge and insiders’ perspectives into corruption studies. The combination of the two approaches will provide for more effective ways of tackling the challenges of corruption, especially in endemically corrupt systems.

Keywords: corruption paradigm, public/private division, corruption measurement, perception of corruption, anti-corruption policy-making, informal practices, particularism.

JEL: P37, O17, D73, Z13.